

Этот славный великан

Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ

игра в стили здесь вовсе не искусство для искусства. Режиссер и автор пьесы привлеч к работе двух полноправных соавторов — художника Сергея Якунина и композитора Стефана Андрущенко. (Он же музыкальный руководитель проекта и исполнитель эпизодической роли Таракана). В прологе на пустую сцену выведут музыканты на диковинных велосипедах, живой оркестр задает тон всему зрелищу.

Пустое пространство стремительно обживает. Как появляются ноты на нотной строке, как появляются стихи на белом листе бумаги. Мне кажется, «Великаны» — спектакль о природе творчества. В оформлении спектакля важную роль играют забавные объекты, они и декорации, и бутафория одновременно. Они сконструированы из проволочных каркасов и крафта

(светло-коричневой почтовой бумаги), материалов легких и пластичных.

Одни и те же предметы стремительно меняют назначение. Так, бумажный букет превратится в забавную шляпу-лопух, а потом в раструб граммофона. Из бумаги и каркасов возникнут то поезд, то башня, похожая на жирафа. Правдоподобие исключается избранной стилистикой. Скажем, подросшая за время пути собака, в «Даме, сдававшей багаж», — совершеннейший монстр. Но не страшный, а очень смешной.

Герои и героини — ЧУДАКИ и ЧУДАЧКИ одеты в яркие клоунские костюмы. Актеры образуют ансамбль, в котором нет главных и второстепенных ролей, все они, одновременно, и дзанны, и рассказчики, и персонажи.

Вот поезд прибудет в Ленинград. На платформе прозвучит глизровский «Гимн великому городу». По дороге мелькнет гоголевский «нос» собственной персоной. А барабанный мастер (Юрий Лученко), что живет на углу Караванной, будет раскуривать трубочку под звуки «Элегий» Массне. Простыми вроде бы средствами создан образ Ленинграда — столицы великих детских поэтов.

Большинство стихотворений зал знает наизусть. Каждое из них — игра — словами, звуками, смыслами. За знакомыми с детства текстами — мощный пласт культуры — фольклорные мотивы, английская детская поэзия, поиски футуристов. Любимый Пономаревым Хлебников называл себя Председателем Земного Шара. Он казался чудачком, а был Великаном. Детская лите-

ратура всегда играла масштабами. Образ великана для нее хрестоматиен. Тут, если хотите, целый миф. («Раз, два, три, четыре. Начинается рассказ. В сто тринадцатой квартире Великан живет у нас. (...) Полон силы богатырской. Он от дома до ворот. Целый поезд пассажирский. На веревочке везет. (...) Пароход за пароходом. Он выводит в океан. И растет он с каждым годом. Этот славный великан»).

Этих стихов Маршака нет в спектакле. Но отраженно они существуют, как и множество других, не попавших в «избранное».

«Великан» в спектакле — детский стульчик, увеличенный в размер портала. На нем появится мальчик Петя. «БОРОДИН!» — радостно констатируют чудачки и чудачки. Герой Александра Введенского носит ту же фамилию, что и художественный руководитель РАМТа. Чудесное совпадение оценят взрослые зрители.

Режиссер придумал верный способ существования актеров в этом спектакле. Они не играют детей. Придуманные персонажи — чудачки — тоже цитата из обзоров. Это фигуры, символизирующие вечное детство. Запомнятся Петя — Михаил Полицеймако в полосатом костюмчике и полосатой же шапочке — обаятельный и ироничный увалень, и Шарик — Татьяна Шатилова — наивная и трогательная клоунесса в красно-желтом балахоне.

Чудачки пародируют детей и взрослых. Вот пушистый шарфик на наших глазах превратится в Усатого-полосатого. Девочка, мучающая котенка, — пародия на настырную маму, воспитывающую ребенка. И так далее.

Во втором акте две сказки Чуковского «Тараканище» и «Муха-Цокотуха» играют «встык», одновременно, в самом деле сюжеты перекликаются. Страшилища Таракан и Паук и герои-победители Комар и Воробей обнаруживают родство и сходство. Замечательная удача художника и режиссера — образ Таракана, у детского стульчика-гиганта вырастают ноги. «Тараканище-Цокотуха» — по жанру — нечто вроде комической оперы с пародийными номерами то под Вертинского, то под австрийский йодль.

Финал спектакля неожиданно обставлен как симфония Шуберта. Один за другим уходят со сцены артисты и музыканты. На сцене остается одна Чудачка (Лариса Моравская), прижимающая к себе бумажного лебедя. Грустная нота превращает прощание со спектаклем в прощание с детством.

На первых представлениях спектакль казался несколько перегруженным, в особенности музыкой. Но наблюдая за «козявками» (на премьеру пришло много малышей), сидевшими на коленях у родителей, можно было видеть заинтересованные лица, слышать смех и подсказки артистам. По-моему, они не скушали.

Сегодняшний ребенок, окруженный телепузиками, трансформерами и покемонами особенно нуждается в смене впечатлений. Рукотворный мир «Великанов» наглядно показывает иные эстетические ориентиры. Так же, как цену и значение слова. «Великаны и козявки» поставлены и сыграны культурными, талантливыми, интеллигентными людьми, любящими детей. Что немаловажно.

• Михаил Полицеймако в спектакле «Великаны и козявки»

• Сцена из спектакля

